



Мария Плетнёва

Обратная сторона средневековой Флоренции

История и наука Рунета

Мария Плетнева

**Обратная сторона
средневековой Флоренции**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(450)"4/14"
ББК 63.3(4Ита)4

Плетнева М.

Обратная сторона средневековой Флоренции / М. Плетнева —
«Издательство АСТ», 2021 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-136498-4

Флоренция — как много в этом слове... История города многогранна, богата на события, интересна, захватывающая и местами трагична. Эта дочь Римской империи подарила всему миру один из самых лучших периодов в истории искусства – эпоху Возрождения. Но не всё было так гладко, и Флоренция умеет возвращать прекрасное на, казалось бы, самой неблагоприятной почве. В этой книге обнажено то, что скрывается за красивыми фресками в семейных часовнях, роскошными рыцарскими турнирами, фасадами дворцов и скульптурами; аккуратно пролистана «история болезни» средневекового общества и освещены ее самые неприятные, а местами дурно пахнущие уголки. Здесь показаны не всегда удовлетворенные амбиции творцов эпохи Возрождения и затронута начало кризиса XVI века, который расколол Европу на католиков и протестантов. Все это путешествие задумывалось автором не для того, чтобы посыпать соль на рану, показать пороки великих творцов, осмеять или осудить Флоренцию, а для того, чтобы показать, что ничто не случается без предпосылок, и эпоха Ренессанса не стала исключением, к ней привел сложный механизм, запущенный еще в Средние века. Не прогулявшись по самым темным улицам истории Флоренции, невозможно в полной мере насладиться рассветом, который несмотря ни на что растекается золотым светом по ее черепичным крышам. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(450)"4/14"
ББК 63.3(4Ита)4

ISBN 978-5-17-136498-4

© Плетнева М., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Введение	7
Глава I	12
Глава II	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Плетнёва Обратная сторона средневековой Флоренции

* * *

© Мария Плетнёва, текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Введение

Флоренция... Сколько разных смыслов, звуков и даже ароматов заложено в этом слове! У кого-то в голове сразу же возникает образ белоснежного «Давида», созданного Микеланджело, кто-то услышал звук шагов, что отозвались глухим эхом по каменной средневековой улочке, а кто-то сглотнул слюну, вспомнив, как однажды, сидя на веранде шумного итальянского ресторана, наслаждался пастой с соусом из дикого тосканского кабанчика, в котором можно было уловить тонкий, но в то же время яркий аромат ягод можжевельника!

Но что же в действительности означает слово «Флоренция»? Это до сих пор остается одной из многочисленных тайн, которых так много у этого города. Открыв любой путеводитель, скорее всего, вы встретите утверждение, что слово «Флоренция» происходит от Флоры – древнеримской богини весны и цветов. Якобы, когда в далеком 59 году до н. э. в период празднеств в честь «цветочной» богини войска римлян дошли до берега реки Арно и увидели безграничные поля, усеянные цветами, от которых в воздухе пахло медом, то решили основать здесь город Florentia. Звучит красиво, не спорю, но у археологов, проводивших раскопки в окрестностях Флоренции, нервно дергается глаз, когда они в очередной раз слышат про эти бескрайние поля. Да, действительно, Флоренция была основана римлянами, но как колония для военных, которые вышли на пенсию и, сложив оружие, жили за счет земледелия. Флоренция была житницей Римской империи, где в тени кипарисов выращивали пшеницу и фасоль с черным пятнышком. Эту фасоль «*сop occhio*»¹, как говорят тосканцы, до сих пор можно встретить в наваристых супах местных жителей.

Другая версия уносит нас к вымершей цивилизации этрусков. Здесь ситуация еще больше усложняется, так как сами этруски обросли таким количеством легенд и домыслов, что у местных археологов дергается уже не один, а оба глаза! Но мы постараемся не запутаться. Этруски не основывали Флоренцию, а жили на холме, который окружал место будущего римского поселения. На этом холме этруски основали город Фьезоле и, ни о чем не беспокоясь, жили и наслаждались тосканским пейзажем. Этруски предпочитали строить свои города на возвышенностях, избегая речных долин, хотя и использовали реки в качестве торговых путей. Делалось это в связи с лучшим стратегическим положением, высоко сижу – далеко гляжу, а также этруски опасались наводнений. Со своего холма они ни раз видели, как капризные воды реки Арно топили долину, и поэтому называли эту территорию «*birtent*» или «*birenz*», что в переводе означает «болотистое место». И уже от него спустя время родилось слово «*Firenze*», именно так на итальянском языке звучит сегодня название города. Поэтому, приезжая на вокзал Флоренции, не пугайтесь, увидев на табличках столь странное слово, в котором потерялась буква «л».

И что же случилось, когда римляне побеспокоили размеренную жизнь этрусков на холме, решив воздвигнуть свою колонию буквально у них под носом? Несложно догадаться, что дружбы не получилось и началась война. В какой-то момент этруски укрылись за огромными крепостными стенами своего Фьезоле, и римляне осаждали их целых шесть лет! Потом римляне решили отступить, и вот здесь-то рождается еще одна версия происхождения названия города. Среди римских войск был отважный воин знатного происхождения по имени Фьорино, он решил не отступать, а остаться под стенами города этрусков. В ту же ночь коварные этруски устроили засаду и закололи Фьорино. Воин пал на землю, в последней судороге сжал в кулаке влажные от утренней росы белоснежные лепестки растущих на том холме лилий и окрасил их в алый цвет крови. В честь доблестного Фьорино римляне и решили назвать свое поселение.

¹ «С глазком» (прим. авт.).

Однако тогда была проиграна лишь битва, но не война. Очень скоро Римская империя захватила основные города этрусков, рассыпанные на территории современной Италии, и окончательно поглотила эту цивилизацию. Город Фьезоле не стал исключением.

Каждая легенда и версия о происхождении города хранит в себе частичку неповторимого духа Флоренции и ее жителей. Хотя правды мы все еще не знаем. Знаем только то, что Флоренция не была гостеприимным местом, ее болотистые земли и капризная река, постоянно выходившая из своих берегов, приносили горожанам несчастья и смерти, но все же это – цветущий город, где расцвела уникальная и неповторимая эпоха в истории человечества – эпоха Возрождения.

На гербе города мы видим изящный красный цветок, который по привычке называем «флорентийская лилия», хотя и здесь не обошлось без нюансов – город-загадка, ни дать ни взять.



Герб города Флоренции

Дело в том, что, скорее всего, на гербе изображен определенный сорт ириса – он любит произрастать на средневековых стенах, которые раскаляет летнее солнце Тосканы. Называется он «*Iris alba fiorentina*» и имеет очень интересную окраску в чистейший белый цвет с чуть уловимой синей каймой, как льдинка. На сегодняшний день почти все историки склоняются к версии, что «лилия» на самом деле все же сорт флорентийского ириса, который просто часто путали с лилией в те времена. Но если мы посмотрим на герб, то цветок-то красный – почему?

В этом нам поможет разобраться Данте Алигьери, уроженец средневековой Флоренции, написавший «Божественную комедию». Перенесемся на мгновение в XVI песнь «Рая»:

При них и им подобных я видал

*Фьоренцу жившей столь благоустановно,
Что всякий повод к плачу отпадал;
При них народ господствовал так славно
И мудро, что ни разу не была
Лилея опрокинута стремглавно
И от вражды не делалась ала².*

Обратимся к двум последним строчкам, «Лилея опрокинута стремглавно / И от вражды не делалась ала». Здесь Данте сообщает о том, что в тот период (а мы с вами в XIII веке) ни один враг не смог опрокинуть герб Флоренции. А следующая фраза нам говорит о том, что и алой лилию никто не сделал, вот он, исторический факт, – раньше цветок на гербе города был белый! Да, действительно, до 1251 года герб был с белой лилией-ирисом. Что же произошло, неужели своенравным флорентийцам разонравился белый цвет или все-таки случилась в истории города вражда, которая окрасила цветок в алый цвет?

Стоит отметить, что военный дух у флорентийцев прописан в генетическом коде, спасибо наследию древних римлян. И дух этот, к сожалению, проявлялся не только в отношении врагов – флорентийцы любили поконфликтовать друг с другом. Отголоски кровавых историй между семьями Флоренции мы можем встретить... нет, не у классиков средневековой итальянской литературы и не в хрониках, а в названиях улиц города. Прямо в сердце исторического центра находится узкий и темный переулок, в лучших традициях Средневековья, который называется Vico del Panico³. Построили его в XIV веке для того, чтобы разделить два дома враждующих семей. Власти города переживали, что ненависть доведет семьи до того, что ночью они просто переломают друг другу стены и устроят резню. Из-за чего же случилась такая острая вражда? Конечно, тут не обошлось без политики и желания господствовать над всеми и вся. Иногда ссоры случались просто из-за неудачного ужина: кто-то на кого-то не так посмотрел, не тот кусок со стола взял – и понеслось.

Эта горячая кровь привела к тому, что в XIII веке город разделился на две политические группировки: гвельфы⁴ и гибеллины⁵. Их сражения действительно окрасили белый цветок Флоренции в алый – цвет крови горожан, как буквально, так и фигурально. Победа досталась партии гвельфов, и они решили изменить герб, поменяв цвет главного символа, – так лилия-ирис стала красной. Забавно, что в природе не существует ирисов именно такого красного оттенка, как на гербе Флоренции. Но флорентийцы (да и не только они) не теряют надежду, поэтому ежегодно мэрия при поддержке Итальянской Ассоциации ириса устраивает выставку-соревнование среди ботаников, выращивающих ирисы. Что необходимо для победы? Всего лишь вывести ирис, цвет которого был бы максимально приближен к алому цвету герба Флоренции. Победитель получает премию в виде золотого флорина – исторической монеты города, о которой мы обязательно поговорим в этой книге. Впервые выставка прошла в 1954 году, а в 2004 году в ней приняло участие 150 новых сортов ириса разных цветов и оттенков! Но получилось ли у кого-нибудь не просто приблизиться, а вывести точный оттенок красного геральдического цветка? Нет. Поэтому, если среди читателей есть увлекающиеся ботаникой и генетикой, то у вас есть шанс войти в историю Флоренции! А вдруг? Кстати, выставка проходит в саду близ площади Микеланджело, откуда открывается самый волшебный вид на город.

Кажется, что краткое погружение в тайну названия Флоренции дало нам больше вопросов, чем ответов, но мы обязательно найдем общий язык с этим гордым городом, дочерью вели-

² «Божественная комедия», перевод М. Лозинского.

³ Переулок Скандала (прим. авт.).

⁴ Гвельфы – политическое течение в Италии XII–XVI веков, представители которого выступали за ограничение власти императора Священной Римской империи в Италии и усиление влияния папы римского.

⁵ Гибеллины – враждовавшая с гвельфами политическая группировка XII–XIV веков, приверженцы императора.

кой Римской империи. В нашем путешествии мы затронем не столько стандартные, сколько откровенные и неудобные темы, и постараемся вновь ответить на вопрос, что же скрывается за чарующим и манящим словом «Флоренция». А сейчас пришло время оставить этрусков с их недоверием к бурным водам Арно и древних римлян, чихающих от пылицы распустившихся цветов, и отправиться во времена, когда Флоренция начала строиться, богатеть и раздражать своих соседей.

Глава I

Что почем?

Не сразу строилась не только Москва, но и Флоренцию постигла та же участь, как, впрочем, и любой город, который сегодня может похвастаться своей великой историей. А чтобы что-то построить, нужен не только талант, но и деньги. Откуда же у Флоренции появилась возможность создать наследие, которому на протяжении многих веков завидовала, да и продолжает завидовать вся Европа? Предлагаю нам с вами перенестись в узкие средневековые переулки интересующего нас города. Кроме таких типичных героев, как овощник, трясущий перед зеваками мешком лука, прачки с мозолистыми красными руками и широкими боками, по которым сразу видно, что она родила с десятков детишек, мы бы вполне могли встретить синьора, одетого в черный до пола плащ, с пухлой папкой любопытных бумаг под рукой. Вот эти-то бумаги нам и нужны.

В нотариальных документах Флоренции XIV века находятся ценнейшие записи о том, кто и как часто выдавал займы под проценты. И если вы думаете обнаружить в них банки, отнюдь нет. Ровный столбик списка пестрит честными именами: там и суконщики, и купцы, и даже священники! Кроме них, конечно, были и целые банковские корпорации, которые смогли пробиться на международный рынок, чтобы выдавать займы ни больше ни меньше королям, а иногда и самим папам римским. Но о том, как им это удалось повернуть, мы поговорим чуть позже.

Чтобы список заемщиков перестал быть для нас чем-то абстрактным в своей бесконечной веренице цифр, а обрел лицо, предлагаю долистать в нем до такого известного имени, как Микеланджело Буонарроти. О том, насколько великий скульптор был внимателен к любым тратам, ходят легенды. Микеланджело был самым высокооплачиваемым творцом своей эпохи и оставил после себя внушительный вклад в банке. Более того, после его смерти в доме была обнаружена кубышка с немалым количеством золотых монет. Да и классическая проблема «кому что достанется?» после смерти богатого синьора не миновала родственников и друзей Микеланджело. Но при всем своем богатстве скульптор был патологически жаден, хоть и пытался это скрывать, бессовестно клеветая на своих заказчиков, обвиняя их, что те ему не платят, а если и платят, то меньше, чем было прописано в контракте. Да, сейчас можно испытать негодование и задаться вопросом: «А вдруг и правда не платили? Вдруг Микеланджело прав?» Увы, без лишних лирических отступлений документы подтверждают, что скульптору платили исправно и очень приличные суммы. В архивах хранятся банковские выписки актов покупки виноградников на имя Микеланджело на вырученные от заказов деньги, против которых сложно что-то предъявить. Так что скорее Микеланджело вел себя непорядочно в отношении заказчиков, нарушая правила контрактов, частенько в принципе не заканчивая проекты, хотя деньги за этот проект чаще всего он получал.

Откуда у Микеланджело был такой порок? Как говорится, яблочко от яблоньки: отец гения тоже любил приврать о своих доходах и без зазрения совести напоминал сыну о бедственном положении семейных финансов. Так и встретились два несчастья: Микеланджело с шестизначным счетом, но жалобными письмами о том, какой папа римский «редиска», не заплатил ему за очередную скульптуру, и отец Микеланджело, по имени Лодовико, ропщущий на то, что братья Микеланджело нуждаются в средствах для открытия бизнеса. Сошлись они на том, что Микеланджело со скрипом дал своим братьям необходимую сумму, но, конечно, не безвозмездно, а в долг на десять лет. Судьба-злодейка, как будто бы мысля проверить на прочность Микеланджело, распорядилась так, что бизнес у братьев не пошел. Тогда скульптор, переживая за свои кровные, решил потребовать вернуть долг раньше оговоренного срока, но

денег для возврата у братьев не оказалось. Наверное, подумаем мы, Микеланджело расстроился, возможно, вздохнул, взял острый резец и пошел дальше ваять какой-то из своих незаконченных заказов? Нет, мы же во Флоренции – городе, где звону монет придавалось слишком большое значение. Слишком.

Микеланджело и Лодовико Буонарроти оказались в суде. Суд, недолго думая, встал на сторону гения Ренессанса и, за невозможностью выплаты семьей займа, учредил Микеланджело единственным владельцем всей недвижимости Буонарроти. К чему это привело?

Пожилой Лодовико покинул городской дом и переехал в небольшую загородную виллу. Но не для того, чтобы наслаждаться кипарисовыми аллеями и трелями птиц по утрам. Его обида была столь велика, что он ходил по улицам Флоренции и восклицал, как родной сын, кровинушка, в которую он столько вложил, выгнал его из своего же дома, оставил без крыши над головой на старости лет! Микеланджело, который всегда очень боялся за свою репутацию, строчил отцу письма с требованием прекратить цирк и не позорить его честное имя. Уговоры Микеланджело не подействовали, и он с огромной обидой написал отцу следующее: «Орите и говорите обо мне все, что Вам вздумается, но больше мне не пишите, тем самым Вы не даете мне работать»⁶.

Когда отец и сын остынут, то наконец-то смогут помириться. Но Микеланджело станет еще более подозрительным ко всем финансовым моментам в семье. Долг есть долг – золотое правило Флоренции, а родственные связи – это уже другое, не нужно смешивать, не коктейль.

Но чтобы выдавать займы, нужно сначала самому заработать, не так ли? Как же горожанам удалось сколотить состояние? Начиная с XIII века, во Флоренции со скоростью света стала развиваться текстильная промышленность. Город закупал грубое шерстяное сукно на Севере Франции и в Англии и подвергал его обработке: вычесывание, окрашивание в редкие цвета и вышивка. Со временем флорентийские мастера достигли такой виртуозности в своем труде, что их ткани стали заполнять европейский рынок и влюблять в себя обеспеченных модниц. Основную конкуренцию Флоренции составляли лишь немногие города Тосканы, такие как Сиена и Лукка. И по тому, с какой скоростью тосканские ткани захватили рынок, можно судить об удивительной коммерческой жилке жителей Тосканы.

Действительно, текстильная промышленность во Флоренции процветала, и постепенно шерстяные ткани стали сменяться яркими шелками. Однако не у всех мастеров были средства купить ткацкие станки, поэтому часто их брали в аренду. Давайте снова заглянем в пухлую папку с документами нашего нотариуса. Кроме займов до нас дошли и документы со списками аренд, где мы снова встречаем не крупные агентства или корпорации, а частных лиц. Более того – еще одного представителя творческой профессии, на этот раз живописца Джотто.

Уже к концу XIII века Джотто становится очень видным художником и создает семью. А семья – это дело серьезное, которое так любят оттягивать современные итальянцы: семью нужно кормить, одевать, баловать. Так Джотто без оглядки начинает браться за заказы и складывать в кубышку золотые монеты. Когда художник уже крепко встал на ноги, он начал скупать земли в Тоскане, тем самым обеспечив недурное наследство своим отпрыскам, которых было аж восемь штук. Кроме документов о покупке земель архивы о Джотто пестрят документами об аренде. Наш художник, как истинный флорентиец, предприимчив. Он купил несколько ткацких станков и сдал их в аренду менее успешным предпринимателям. Также поговаривали, что кроме аренды Джотто выдавал денежные займы под проценты. Займы были небольшими, а вот проценты – очень даже немаленькими, на радость кожаному кошельку Джотто. Вот так художник интересно совмещал воздушную живопись и более приземленное искусство ростовщичества, но однажды случился скандал.

⁶ Giulio Busi, «Michelangelo. Mito e solitudine del Rinascimento», 2017 Mondadori Libri S.p.A., Milano, p. 147.

Неожиданно Джотто подал в суд на всех своих должников и потребовал возвращения денег. Примечательно, что, по некоторым данным, в этом судебном процессе было задействовано семь адвокатов! Зачем же Джотто резко потребовалась такая большая сумма денег, что он был готов оплатить стольких адвокатов? Дело в том, что художник был прекрасным отцом, который заботился о судьбе своих дочерей. А дочерей у него было целых три, все любимицы отца, но, увы, не красавицы. Пошли в папу. Упоминания о том, насколько Джотто был некрасив, дошли и до наших дней! Боккаччо оставил нам яркое и исчерпывающее описание внешности Джотто: «Маленького роста, безобразный». Кроме маленького роста у него были очень большая, непропорциональная голова и далеко посаженные друг от друга глаза, но какими хитрыми и проницательными они были! Как любой хороший отец, Джотто должен был найти надежных мужей своим дочерям. Раз писаными красавицами они не были, тогда недостающие баллы в классификации невест Флоренции пришлось компенсировать хорошим приданым. Так, вернув себе необходимые суммы, художник включил в приданное дочкам зéмли, дома и круглые цифры на их счета. Замечаете, как сразу же, по количеству гектаров земли в приданом, несимпатичное лицо девушки становится уже просто лицом с изюминкой? Нос ее теперь не огромный, а выразительный, волосы не жидкие, а мягкие. И, как нам сообщает Пьеро Борджеллини в своей книге «Città di pittori»⁷: «Так Кьяра вышла замуж за Дзуккерини ди Коппино в Веспиньяно, Лучи вышла замуж за Лессо ди Мартино в Пистойе, Биче вышла за Пьеро ди Маэстро Франко в Борго Сан Лоренцо»⁸. Как говорится, совет да любовь молодым! Но можем ли мы осуждать Джотто? Да, он расписывал холодные стены францисканских церквей на тему бедности, изображая босого святого Франциска, который лишил себя богатого наследства отца и готов был отдать последнюю рубаху бедняку. Но Джотто, исходя из обычной, работающей семьи, был не согласен с проникновенными проповедями о благодати бедности, за которую воздастся после смерти. Зачем ждать смерти, если есть хочется уже сегодня? Бедности он боялся и, как описывали его современники, лишь одно упоминание о ней кривило лицо талантливого живописца. Кто сказал, что художник должен быть голодным? Джотто готов поспорить.

Но Джотто хотя бы честным трудом (если ростовщичество можно называть честным трудом) обеспечил приданое своим дочерям, а бывали и совсем другие случаи в истории. Не будем далеко ходить за примером, а так и останемся в «темных» веках средневековой Флоренции.

Так, в один прекрасный день ожидался привоз большой партии шерсти из Англии. Наши флорентийские владельцы суконных фабрик уже аккуратно, стопочками, подсчитывали свои монеты и готовились к завтрашним торгам, чтобы урвать как можно больше рулонов шерсти по самой вкусной цене. Но в доме одного купца по фамилии Бартолини-Салимбени монеты подсчитали уже давно и обсуждали отнюдь не то, сколько семья может позволить себе потратить на торгах, а меню званого ужина, где бы, как в лучших традициях гостеприимства, вино текло рекой! Что же за ужин намечался: свадьба, крестины, похороны? Нет. Семья Бартолини-Салимбени решила пригласить всех своих конкурентов на званый ужин прямо накануне торгов. Отказать было неудобно, ведь в Средневековье, чтобы испортить отношения между семьями, хватало малого. Сначала на ужин не придешь, потом глазом не успеешь моргнуть, и все – жди беды, на которую у обиженного соседа хватит фантазии. А фантазия у средневековых флорентийцев была бурной: то поножовщину в темном переулке устроят, то дочь «виновного» замуж не возьмут, то анонимный донос о какой-нибудь ереси напишут и в ящичек у городского суда бросят. Поэтому на ужин к Бартолини-Салимбени явился весь купеческий свет Флоренции.

⁷ Città di pittori – Город художников.

⁸ Piero Borgellini «Città di pittori».

Холодные закуски сменялись горячими, вереница жареных поросят уступала место хрустящим перепелам, форель... Как, вы еще не пробовали свежайшую нафаршированную овощами форель?! А если не хотите рыбу – пожалуйста, вам уже несут нежнейшее мясо телят, за которым следует красавец-фазан с фруктами. Ешьте, гости дорогие, а главное – пейте! И на посошок, и штрафную, а теперь за здоровье ваше и вашей супруги, за красавицу дочку и умницу сыночка! Так пир затянулся до глубокой ночи.

«Кукареку-у!» – раздалось назойливое приветствие нового дня от местного петуха. Торги начались.

Но постойте, как-то уж очень пустынно на торговой площади. Где же толпа около телег с шерстью, где звон монет и крики купцов? На площади, залитой утренним светом, стояла лишь одна семья Бартолини-Салимбени, глава семейства которой уже крепко пожимал руку, в знак состоявшейся сделки, торговцу ткани. Но где же конкуренты? А конкуренты все еще глубоко спали за столом и не ведали о том, как их обвели вокруг пальца. Дело в том, что Бартолини-Салимбени подмешали в вино своих гостей маковое молочко, которое в те времена использовали медики в качестве анестезии, ведь оно обладает наркотическим, усыпляющим эффектом. Вот так купцов и одурманили. Пока те сладко спали Бартолини-Салимбени выкупили все сукно за номинальную цену и смогли обогатиться на зависть всему городу.

Более того, оказавшись во Флоренции в наши дни, обязательно загляните на площадь Санта Тринита, где напротив одноименной церкви перед вами будет красоваться дворец Бартолини-Салимбени, который семья построила в XVI веке. Подойдите поближе и внимательно присмотритесь к декоративному фризу над окнами. Его украшает узор из трех маковых корбочек – вот он, символ хитрой, беспринципной семьи. Более того, род Бартолини-Салимбени не только украсил свою геральдику цветком, который помог сколотить приличное состояние, но и добавил в герб девиз «*Per non dormire*», что в переводе означает «Чтобы не спать». Мы не всегда следуем пословице «кто рано встает, тому Бог подает», потому что не до конца понимаем ее смысл, а вот наши флорентийцы прекрасно его понимали, хотя и не знали этой русской идиомы.

Вот именно из таких предприимчивых купцов Флоренции рождается особая «порода» горожан, которую мы можем назвать «купец-банкир». И если раньше мы с вами говорили о частных предпринимателях, которые, чтобы заработать, крутились как могли, то сейчас давайте рассмотрим совершенно другие лица, а точнее – целые корпорации. Что же было такого особенного в банкирах Флоренции, что им доверяли самые влиятельные люди Европы?

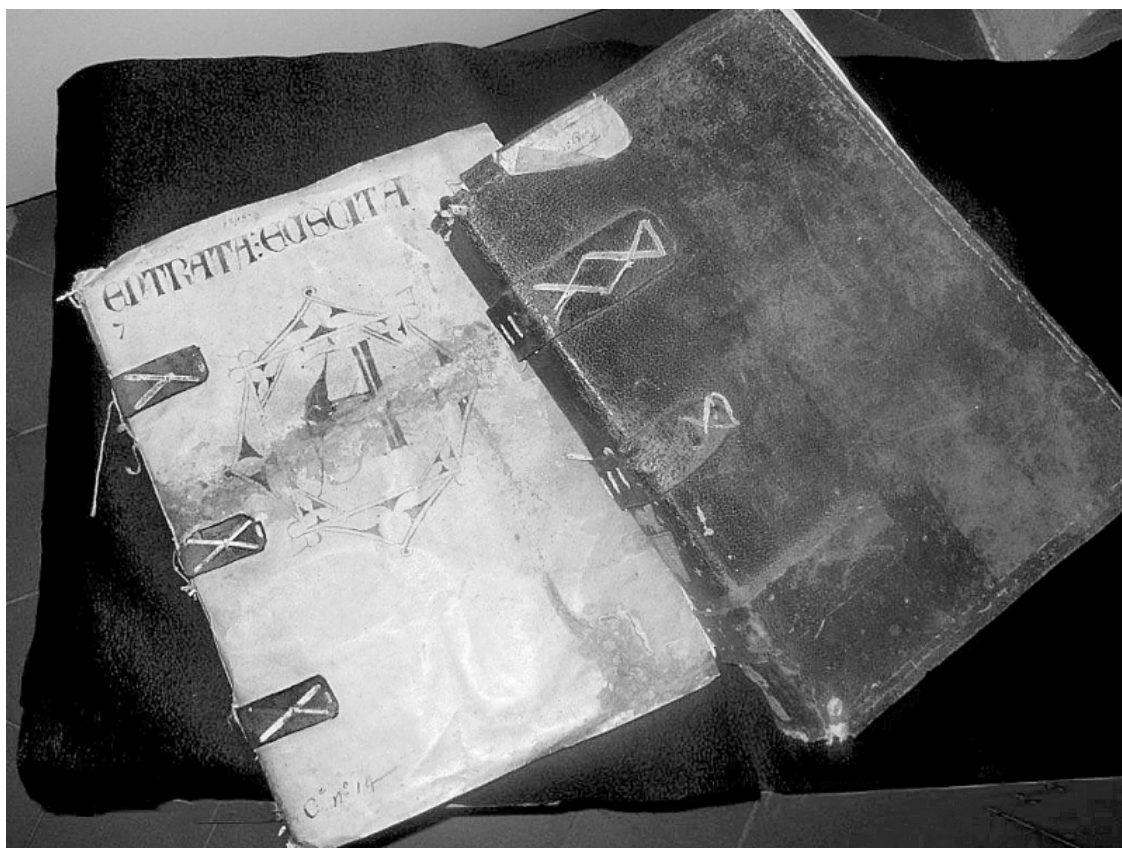
Нужно понимать, когда мы говорим о банках той эпохи и называем их по фамилии какой-либо семьи, например: Медичи, Барди, Перуцци (со всеми ними мы еще будем иметь удовольствие познакомиться поближе по ходу истории). На самом деле мы говорим не столько об одной семье, сколько о настоящей коллаборации множества семей, разбросанных по всей Европе. В банке Медичи работали не только Медичи, но также их родственники из других семей, зятья Медичи и просто хорошие и верные друзья, которых для надежности назначали директорами филиалов банков за пределами Флоренции. То есть существовал сложный механизм из огромного количества шестеренок, договоренностей и обязанностей.

Хотя для упрощения мы часто встречаем просто имя главы рода и описание, какой он молодец: сколько филиалов в Европе открыл, сколько золотых монет заработал, но это неверно. Такая организация банков, по типу холдингов, позволяла флорентийцам собирать значимые суммы, которые они могли с легкостью, а главное быстро, дать в кредит, например, нуждающемуся королю, к границе которого подошел враг. Война требовала быстрых решений, к тому же в те времена не существовало как такового постоянного войска и государство платило наемникам за их услуги, поэтому кредиты на войну были одной из самых часто встречающихся строчек в средневековых банковских реестрах.

Кроме быстрых денег для королей, флорентийские банкиры придумали способ, который бы защищал клиентов их банков от воровства. Представьте, что вы предприниматель, но в далеком XV веке. В банке Рима у вас открыт счет, который вы старательно пополняли несколько месяцев, и на нем набралась довольно приятная сумма. Вдруг гонец сообщает, что скоро в порт Венеции придет корабль с самыми качественными восточными специями. Конечно же, вы не устоите и поспешите прикупить хорошую партию заморских деликатесов, чтобы потом выгодно ее перепродать, да и жене своей ароматного мускатного ореха и куркумы отсыпать не помешает. Вот идете вы в банк, забираете свои заработанные потом и кровью мешочки с золотом, садитесь в повозку и выдвигаетесь в путь. А в темном лесу на вас нападает разбойник, очередной доморощенный Робин Гуд, который совсем не романтично подставляет свой нож к горлу, – и все, о специях можно забыть. Хорошо, если вообще живым домой вернетесь!

Именно из-за таких малоприятных встреч в банке Медичи придумали волшебную бумагу, которую сегодня мы называем ваучер. Полициано, гуманист и философ эпохи Возрождения, в одном из своих произведений описал занимательный случай. Однажды кардиналу в Риме понадобилось перевести большую сумму денег из римского банка в филиал этого же банка, но во Флоренции. Каково же было его изумление, когда вместо увесистых мешочков работник банка выдал ему бумагу и сказал предъявить ее во Флоренции, по приезде. Но еще больше глаза кардинала округлились, когда ему без лишних вопросов выдали всю сумму во Флоренции, лишь взглянув на чудную бумагу. Не выдержав, изумленный кардинал поинтересовался у Козимо «Старшего» Медичи, который был на тот момент во главе банка семьи, разве не боятся Медичи выплачивать, на минуточку, золотые монеты за простой клочок бумаги. На что Козимо, хитро улыбаясь, ответил: «Главное золото банкира – это доверие, чем его больше, тем он, банкир, богаче». Именно за счет доверия клиентов, которые имели возможность переводить деньги из одного банка в другой, зная, что в другом городе им без проблем выдадут их золото, и пополнялись кассы наших флорентийских банкиров⁹. Конечно же, каждый филиал имел копии почерков директоров и печатей всех филиалов банка в разных городах, поэтому бумагу внимательно изучали перед тем, как повернуть ключик в замочной скважине заветного сундука с деньгами.

⁹ A. Poliziano «I dati piacevoli», a cura di M. Fresta, Siena, Editori del Grifo, 1985, n. 173.



Подходные книги: должники и кредиторы. Государственный архив города Прато, Дворец Датини

Кроме услуг займов флорентийские банкиры неплохо зарабатывали на обмене валюты. Снова вспомним нашего римского купца, который поехал в Венецию за специями. В какой валюте он клал деньги на счет в Риме, а в какой оплачивал товар уже в другом государстве, в Республике Венеция? В Европе было несколько валют, и, приезжая на торги в разные города-государства, купцам приходилось обращаться к услугам менял. Естественно, за обмен, как и сегодня, взимался определенный процент. Менялы располагались не только при банках, но и просто ставили свои столики, покрытые зеленым полотном, на основных торговых площадях. Кстати, про зеленое полотно: в итальянском языке существует выражение «Essere al verde», что в переводе означает «Быть на зеленом», – так говорят, когда хотят сказать, что у человека нет ни гроша. О происхождении этого выражения историки спорят до сих пор – возможно, оно пошло от подкладки кошелька, которая обычно изготавливалась из ткани зеленого цвета, или же как раз из-за цвета столика менял.



Маринус ван Реймерсвале. Меняла и его жена. 1539 г. Музей Прадо, Мадрид

Раз уж мы заговорили о монетах, то надо поговорить и о том, какая валюта была у Флоренции. О, это такая интересная тема, что не осветив ее, мы бы обязательно схлопотали укоризненный взгляд флорентийца!

В 1252 году во Флоренции впервые чеканится собственная монета – золотой флорин, далее будут чеканить флорин серебряный, и периодически будут вводиться дополнительные монеты меньшего номинала. Весил флорин около 3,537 грамма золота, на одной его стороне был изображен геральдический цветок (называем лилией, но помним, что это, скорее всего, ирис), а на другой стороне чеканили святого Иоанна Крестителя, и это является прекрасной иллюстрацией того, как же все-таки флорентийцы ценили свою республиканскую независимость!

Обычно на монетах чеканились портреты правителей или уважаемых мужей государства, но не во Флоренции, она выбирает святого – ни больше ни меньше. Иоанн Креститель является покровителем города, поэтому, по логике средневековых людей, он должен был защищать местную монету от краха и воровства. Возможно, кому-то может показаться кощунством, что на деньгах изображали святого, – как же так, разве церковь не про другие ценности? Но мы должны понимать, что тогда церковь влияла почти что на все сферы деятельности человека. Даже банковские контракты начинались с фразы: «Во имя Господа 8 июня 1435 года...»¹⁰. Поэтому изображению святого на обратной стороне средневековой монеты не стоит удивляться. Более того, именно из-за образа Иоанна Крестителя родилась еще одна поговорка, которую до сих пор можно услышать в каменных переулках Флоренции. Звучит она так: «San

¹⁰ Christian Bec «Firenze mercantile e i Medici», by Gunti Martello, 1980, p. 23.

Giovanni non vuole inganni», переводится это «Святой Иоанн не хочет обмана». Давайте разбираться, какого же обмана так не хочется Иоанну, и в очередной раз поразились хитрости флорентийских банкиров.



Золотой Флорин

Забавно, но государственный монетный двор Флоренции по большей части чеканил золотые и серебряные монеты не по заказу самого государства, а по личным просьбам банкиров. Пришло время вспомнить в третий раз добрым словом нашего купца из Рима. Закупил он все-таки специи в Венеции и решил поехать с ними во Флоренцию, чтобы выгодно эти специи продать. Продажа прошла успешно – карманы нашего купца просто лопаются от золотых флоринов. Но эти монеты ему не особо-то и нужны, ведь дальше он едет в Германию или Францию на новую сделку. Поэтому синьор идет в банк Медичи и просит положить флорины на его счет здесь, а также хочет «чудную бумагу», чтобы снять их в филиале во Франции, но уже, например, в турецких ливрах¹¹.

После этой сделки флорентийский банкир внимательно изучает и взвешивает каждый полученный флорин от купца. Идеальные по весу и виду монеты он, хитро улыбнувшись, убирает в отдельный сундук. Остальные монеты, которые не так хорошо отчеканены или недобирают в граммах, он несет в подсобку, и там начинается магия хитрости, или по-русски, ловкость рук и никакого мошенничества. Из богато украшенной шкатулки банкир достает необходимый инструмент... Счеты? Нет-нет, аккуратный напильник, и начинает со знанием дела подпиливать одну сторону монеты. Дело в том, что изображение святого Иоанна на флорине было достаточно выпуклым, поэтому беспринципные банкиры чуть-чуть шлифовали его образ, тем самым получая золотую пыль с монеты. Накопив необходимое количество пыли, её переплавляли в золотые слитки. И эти золотые слитки несли на монетный двор, чтобы из них отчеканили новенькие, блестящие и главное, честные по весу флорины! Хотя иногда было выгоднее оставить золото в слитках. Был такой нелогичный для нас период в истории, когда золото в слитке стоило дороже, чем такое же по весу количество золотых флоринов. Да, если банк ловили за подобным занятием, его облагали штрафом и покрывали позором, а иногда лишали лицензии. Но, как мы знаем, не у всех стен есть уши, а некоторые уши хорошо затыкаются определенной суммой монет – естественно, неподпиленных. А за услугу чеканки Республика Флоренция брала свой налог в казну, так что все были довольны.

¹¹ Турский ливр – монета средневековой Франции.

«Обработанные» монеты с чуть затеревшимся ликом святого тут же пускали в оборот, выдавая ими займы или выплаты невнимательным торгашам, лучше иностранцам. Поэтому Иоанн обмана-то, может, и не хотел, но доставалась ему сполна!

Итак, мы плавно подошли к тому, как пополнялась казна Республики Флоренция, в которой так активно сколачивались капиталы ее предприимчивыми жителями. Кроме налогов на чеканку монет были и другие налоги, о которых мне бы хотелось вам рассказать. Чтобы без лишних слов настроить вас на нужную волну, приведу цитату из дневника некоего Маттео Пальмери (1406–1475). Свой дневник он начал вести в возрасте 21 года, где тщательно записывал все налоги и штрафы, которые ему пришлось оплатить; подсчет Маттео вел вплоть до самой смерти. Среди пожелтевших листов с графиками и таблицами доходов расходов мы находим запись: «Когда у меня больше не будет денег, чтобы оплатить налоги, я не удивлюсь, посмотря на то, сколько я уже на них потратил»¹².

Наш средневековый город растет как на дрожжах, и первое, что приходится перестраивать, – это городские стены. Времена все-таки были беспокойные: то французский король нарисует на горизонте со своими наемниками, то испанцы решат провести Неаполь, и зловещая конница поднимет пыль у городских ворот Флоренции, и не только напугает, но и виноградники вытопчет. Город должен иметь защиту. Строились подобные сооружения за счет налогов. Но кроме военных моментов любой город большое внимание уделял своей репутации. И как же показать приезжим купцам, что у нас здесь дорого-богато, чтобы те, недолго думая, вклад в банке открыли, недвижимость арендовали или сделки какие-то предложили? Конечно, через архитектуру. Архитектура была визитной карточкой любого города во все времена, поэтому в XIII веке Флоренция озадачилась постройками, которые в будущем создадут ее неповторимый облик. Более того, и сегодняшнее «лицо» Флоренции составляют именно те здания, которые были построены в далеком XIII веке: Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре, церковь Санта-Кроче и Старый Дворец. Если строить, то на века!



Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре

¹² «Come albero fiorito. Firenze tra Medioevo e Rinascimento», Mandragora, 2016, p. 81.

Конечно, не каждая городская постройка оплачивалась из казны – казна все же не резиновая. Часто расходы на крупные проекты брали на себя частные лица. Выступая спонсорами, они гарантировали себе уютное местечко в истории Флоренции, или же целые гильдии щедро снимали со своих счетов крупные суммы и тоже вписывали свои имена в дневник истории. Но когда речь шла действительно о престиже города, который, не дай бог, пошатнулся, то на время вводили экстренные налоги.



Церковь Санта-Кроче. © Елены Катковой



Старый дворец. © muratart / Shutterstock.com

Так, в июле 1369 года, в месяц, когда вся Флоренция буквально плавилась под ногами от палящего солнца и дышать просто не представлялось возможности, в документах отмечена последняя выплата архитектору Кафедрального собора по имени Франческо Таленти. Последней она стала не из-за того, что работы по строительству завершились, просто Франческо отошел в мир иной. Так город остался с почти что достроенным собором, но которому не хватало самого главного – купола, – чтобы закрыть алтарь и наконец-то освятить самый крупный дом Господа в Европе (по скромному убеждению флорентийцев). Да, горожане затеяли очень амбициозный проект, даже слишком амбициозный для того времени. Не учли они лишь такой небольшой нюанс, как диаметр запланированного купола: он получился таким большим, что никто не знал, как вообще этот купол воздвигать! Ни строительных лесов такой высоты не строили, ни в принципе таких огромных куполов не возводили. Как же Флоренции удалось выйти из столь неприятной ситуации, мы узнаем в последующих главах. Пока лишь скажу, что, когда архитектор нашелся, деньги на постройку собирали всем городом! Каждый флорентиец вносил в казну по мере своих возможностей, но вносил. Поэтому мы смело можем сказать, что сегодняшний символ города, чудесный купол Брунеллески, – это чудо, которое случилось благодаря неравнодушным жителям города, среди которых были и богатые купцы, и бедные прачки!



Купол Брунеллески. © Елена Каткова

К слову о богачах и бедняках. Большое расслоение в социальных классах – история древняя как мир, но иногда оно было настолько огромным, что государство было вынуждено сгла-

живать эти различия. Иначе бы недовольство бедных слоев населения, которым изо дня в день богачи мозолили глаза жемчугами и красивой парчой, достигло пика и случились бы беспорядки. К тому же у Флоренции уже был такой печальный опыт.

Не всегда быть первым означает что-то хорошее – например, в 1378 году именно во Флоренции случилось первое в истории Европы восстание рабочего класса. Вошло оно в хроники под названием «Восстание чомпи», то есть восстание чесальщиков шерсти, которым за их тяжелый труд платили гроши. К чесальщикам постепенно присоединились рабочие других секторов, а также ремесленники. Как и в любом кризисе, закончилось все жертвами и уронами. Поэтому Флоренция, как и многие другие города-государства итальянского «сапога», принимает меры. Естественно, богатым не запретят быть богатыми, да и смысл, но на законодательном плане будут нововведения.

С XIV века будут утверждены законы о роскоши. Особое внимание в этих законах уделялось внешнему виду синьоров и синьор: одежда, головные уборы, обувь, количество колец – все нормы четко прописывались. Но даже внутри этих законов было четкое разделение на социальные слои, только уже среди обеспеченных горожан. То, что позволялось жене рыцаря или медика, не позволялось жене или дочери купца, даже если он был в разы богаче рыцаря и медика вместе взятых.

В законах досконально прописывали, кому и какие ткани для платьев разрешены, вплоть до цвета. Но, смотря на портреты эпохи Возрождения, мы замираем в восхищении от изысканных нарядов синьор, которые вышиты драгоценными камнями, сами ткани сотканы с вплетением золотых и серебряных нитей, а чего стоят сложные прически, украшенные гирляндами из жемчугов и рубинов! «Что-то не стыкуется это все ни с какими законами о роскоши!» – скажете вы и будете правы. В правилах четко прописывалось, что нельзя надевать определенные наряды, выходя за пределы твоего дома, но что же делать, если муж уже подарил платье из шелка да бархата и заморским жемчугом его украсил? Не выкидывать же, ей-богу! Можно носить его по-тихому дома, но это не так интересно.

Правительство нашей Флоренции не растерялось и придумало легальный обход придуманных ими же строгих законов, который к тому же хорошо бы отразился на городской казне. Небедным флорентийским женам было предложено регистрировать свои дорогие платья и оплачивать налог на их ношение. К зарегистрированным платьям прикрепляли небольшой свинцовый «жетон», а в каталоге внимательно описывали наряд, скрупулезно считая количество бантиков и пуговиц. На наше с вами счастье, в архивах Флоренции сохранились эти записи, по которым мы можем составить представление в том числе и о моде тех времен. Кстати, декларировать запретные наряды могли только мужья. Так что мужчинам нашего времени очень повезло – их только на шопинг воскресным утром жены уговаривают, но хотя бы потом узаконивать всякие маечки и платишки не нужно!



Доменико Гирландайо. Портрет Джованны Торнабуони. 1488 г. Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид

Также в законе были некоторые поблажки исходя из возраста или статуса дамы. Например, в городе Феррара был запрет на ношение жемчужных украшений. Разрешалось их надевать только незамужним девушкам в возрасте от 6 до 15 лет. Девушкам, которые только вышли замуж, разрешалось донашивать еще 2 года особенно пышные платья, оставшиеся от их девичьей жизни. Для дам после 40 лет тоже были некие послабления. А что же случилось с теми, кто ослушался закона? Они оплачивали штрафы, и казна города снова была в выигрыше.

Кроме штрафа у нарушителя, а чаще у нарушительницы конфисковался объект преступления. Если платье содержало золотые нити, то его распускали, драгоценности аккуратно складывались в сундук или перепродавались. Иногда доходило и до телесных наказаний, но отнюдь не модниц и не их мужей, а портных! Портные города, которые, зная закон, все равно шили запрещенные платья, не только облагались штрафом или позорным высечением на площади, но и могли лишиться гражданства на целых 10 лет! Вот так, пришел лишнюю пуговицу – и все, стал бесправным чужеземцем на родной земле.

Да, законы для портных были слишком суровы. Например, предписывалось использовать только определенное количество метров ткани для женского платья. Но что делать, если заказчица – дама в теле? Ни о каких поблажках для пышек размера XXL в законе не прописывалось. Так, в 1300 году группа портных пришла в государственный совет просить об отмене этого нетолерантного, как бы мы сегодня сказали, закона.

Хотя иногда само государство шло вразрез со своими же правилами! Когда сегодня в какой-нибудь провинциальный город приезжает высокопоставленное лицо, то фасады домов на улицах, по которым дорогого гостя будут провозить, украшаются, дороги делаются. Вот примерно то же самое происходило и в те века. Чума недавно прошла, половину города выкосило? Не важно, к нашему герцогу в Ферраре невестка едет аж из Франции, негоже ей на кислые лица убитых горем людей смотреть! Так Альфонсо I д'Эсте в 1528 году издает указ о том, чтобы к приезду невестки все достали из закровов самые дорогие платья и носили только их, на траурную одежду был внесен временный запрет. Или же другой случай, уже в Сиене, куда в 1291 году наведалься с визитом племянник французского короля. Городские власти Сиены обязали всех дам украшать свои прически красивыми гирляндами из драгоценных камней и цветов, более того, разрешили даже жемчужные бусы. «Почаще бы невестки и племянники всяких королей приезжали!» – наверное, думали модницы ушедших веков.

Так или иначе, изыски флорентийской моды не пришлись по вкусу поэту Данте. В своей «Божественной комедии» он очень дерзко критикует флорентийских синьор за чрезмерное деколье:

*Когда с амвона огласят указ,
Чтоб воспретить бесстыжым флорентийкам
Разгуливать с сосцами напоказ.
Каким дикаркам или сарацинкам
Духовный или светский нужен бич,
Чтоб с голой грудью не ходить по рынкам?»¹³*

Блюсти честь и пополнять государственную казну за счет закона о роскоши Флоренции помогала церковь. Чуть ли не каждый день на проповедях можно было услышать что-то про очередное платье или туфли неблагочестивой синьоры. Некий монах из Сиены по имени Бер-

¹³ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, песнь XXIII, перевод М. Лозинского.

наридно в XIV веке сотрясал воздух о том, как слишком длинный шлейф синьор только и делает, что поднимает пыль на дорогах, а также напоминает хвост какого-нибудь дьявольского отродья. Ругали модниц за декольте, за большое количество пуговиц и за туфли с острыми носами! «Чем не угодили они?» – спросите вы? Острый носок имел яркий эротический подтекст для людей того времени. Монахи сетовали, что в такой обуви женщины кокетливо поднимали платье, чтобы оголить носок, и визуально удлиняли себе ноги. И, как это часто бывает, человек склонен к преувеличению, носки удлиняли и удлиняли, доводя длину обуви до абсурда и невозможности нормальной ходьбы. Поэтому власти поспешат ввести закон, насколько носок может быть длиннее самой ступни. Герцогам и принцам разрешалась носить обувь с носком длиннее в 2,5 раза, аристократы могли позволить себе носок в 2 раза, рыцари в полтора, а обычный люд не мог позволить больше 0,5 раза.



Дирк Буст, правая створка диптиха «Суд Оттона». 1470–1475 гг. Королевский музей изящных искусств, Брюссель

Кроме «Модного приговора» на средневековый лад во Флоренции также отслеживали праздники и даже похороны. Прописывался весь ритуал: как проводить мероприятие, что подавать на стол, сколько гостей должно быть и в чем, простите, класть покойника в гроб. Отход в мир иной – не повод, чтобы нарушать законы или нарушать, но не заплатить. Но оставим похороны и лучше заглянем на пышную свадьбу Флоренции.

Несмотря на зной, дамы из влиятельных семей украсили себя красивыми бусами, надели платья с широкими рукавами, а в прическу вставили перья птиц; спешили они к дому банкиров Медичи. Шел 1469 год, 4 июня Лоренцо Великолепный Медичи женился на римлянке из древнейшего рода Орсини. Среди приглашенных на свадебный банкет был некий Пьеро ди Марко Паренти, который настолько поразился пышности банкета, что детально описал его в письме к своему дяде. К счастью, письмо до нас дошло, и мы с вами можем полюбопытствовать, чем же Медичи угощали своих гостей?

«Во дворец на улице Ларга (via Larga) доставили 150 телят, 4000 куриц и гусей, рыбу, дичь и много бочек с местными и заморскими винами.

Блюд было много: начинали утром с небольших закусок, потом было отварное, затем жареное, далее принесли вафли с марципаном и миндалем, и конфеты; сладости из кедровых орехов и тыквы. Вечером было желе, жаркое, снова вафли и конфеты».

Продолжался этот праздник живота несколько дней! Кстати, своими вафлями семья Медичи очень гордилась, и Лоренцо даже написал их рецепт в форме сонета.

Конечно, такое изобилие не могло остаться незамеченным блюстителями закона о роскоши. Но, как и в случае с платьями, отказываться от праздников ни Медичи, ни другие богатые семьи не собирались, поэтому просто заранее оплачивали необходимый штраф – разрешение. И чтобы не вызывать лишнее напряжение в обществе, часто для бедняков накрывался отдельный стол на улице, в разы скромнее, но все же. Более того, подобные акты щедрости горожане ждали с большим нетерпением, ведь это была отличная возможность для всей семьи наконец-то наесться от пуза. Как говорится, и овцы целы (кроме тех, что зажарили на вертеле), и волки сыты.

Вот и начинает вырисовываться картина, откуда у Флоренции появились возможности не только «придумать» Возрождение, но и, что немаловажно, его оплатить. Однако и это еще не все. Раз есть банки – есть и вклады. Гениальность наших флорентийцев не заставила себя долго ждать, и в 1425 году власти города открывают структуру для вкладов на приданое невест Флоренции. Вместе с Джотто мы уже прочувствовали всю серьезность ситуации, когда многодетный отец был готов на многое, чтобы пристроить свою кровинушку. Но не у всех отцов были возможности такие, как у Джотто. Иногда семье приходилось отдавать чуть ли не последнее, чтобы не ударить в грязь лицом перед соседями и найти для дочери хорошую партию. Как же работал этот «вклад невесты»? После того, как девочке исполнилось 5 лет (из-за высокой детской смертности был установлен такой минимальный возраст), ее отец открывал вклад на приданое, который ежегодно пополнялся в сумме любого размера. Снимать со вклада деньги можно было только после подписанного брачного контракта и обмена кольцами. Загвоздка заключалась в том, что высокой была не только детская, но и в принципе смертность. Если девушка вдруг умирала до своего замужества, то деньги отцу никто не возвращал. Конечно, флорентийцев этот момент очень настораживал, поэтому уже в 1429 году вклад на приданое во всем городе открыло лишь два синьора!

Нужно было срочно менять систему. И вот уже с 1433 года правила позволяют снять отцу вложенные годами деньги, если дочь скончалась и вкладу не менее пяти лет. С этого момента дела банков пошли в гору, а у их дверей начали выстраиваться очереди из желающих открыть «вклад невесты». Процентная ставка варьировалась от 12 % до 15 % в год. Чтобы получить деньги после бракосочетания, нужно было подтвердить, что между молодоженами случилась первая брачная ночь. Поэтому частенько бывало, что свадьба в церкви – дело второе, а вот юридическое оформление бракосочетания первичнее и обычно проходило в доме девушки. После подписи документов пара удалялась в покои и совершала то, чего от них ждали. Далее муж мог пойти в банк и снять деньги с вклада, даже если девушка по факту еще оставалась жить у своего отца до свершения церковного обряда. Не романтично, зато прагматично.

Стоит ли говорить, насколько эта система была удобна для государства? В казну ежегодно приходили свежие поступления, и Флоренция могла распоряжаться этими деньгами для своих нужд в достаточно спокойном режиме, ведь выплачивать суммы отцам или мужьям нужно было лишь через много-много лет. А может, и вообще не придется ничего выплачивать – как говорится: «Да упокоится ее душа с миром. Аминь».

Но бывали случаи, когда о муже для дочери семья и не помышляла, но деньги все равно копить приходилось – на что же? На монастырь.

Случалось, что в семье рождалось несколько дочерей и родители физически не могли собрать достойное приданое для каждой. Таким образом, семья могла выдать старшую девочку замуж, а остальных отправить в монастырь. Тем самым избавив себя от лишнего рта в доме. Но в монастырь тоже просто так не брали. «На все Воля Божья», – скажете вы, и будете правы, но взнос за дочь все-таки полагался. Чем выше был взнос, тем лучше условия были у девушки. Получается, что в монастыре можно было оказаться не по своей воле: если у семьи нет денег на приданое, если дурна собой, бесплодна, изнасилована или вдова. Подобное решение обычно принимал отец девушки, если же отца не было, то решение мог взять на себя любой другой мужчина из рода. В некоторых случаях девушка отправлялась в монастырь по решению суда – например, в качестве наказания за измену мужу.

Получается, церковь тоже выступала важным элементом в жизни города, иногда помогая правительству, а иногда наоборот – вставляя палки в колеса. Как же церковь относилась к банкам? Официально – плохо, а на самом деле пользовалась услугами и, более того, даже была в них заинтересована.

Глава II

По воле божьей

Вместе с ростом и развитием средневековых городов, сил набиралась и церковь. Если изначально монастырские общины предпочитали располагаться где-то далеко, часто в труднодоступных для любопытных глаз местах – лесах, горах, пустынях, – чтобы ничто не мешало и не смущало служителей Господа, то примерно в XII–XIII веках ситуация резко меняется. Чем плотнее заселялись города, тем ближе к ним начинают строить новые монастыри. Более того, сами власти города-государства активно звали монахов в соседство поближе и щедро дарили земли под церковные постройки. Делалось это по одной простой причине: обычный люд нужно было образовывать, учить правильно верить. Не будем забывать, что в тот период еще можно было услышать отголоски языческих обрядов и поверий, которые нужно было искоренять. Учитывая, что и на сегодняшний-то день язычество полностью не искоренили, можно представить, насколько это было живо в раннем Средневековье.

Кроме проповедей многие монастыри обучали чтению и письму детей из богатых семей. Можно отметить, что процент грамотного населения Флоренции в среднем был внушительно выше, в сравнении с другими городами Европы. Флорентийцы очень любили писать дневники, которые сейчас выступают для нас ценнейшими документами быта и нравов тех времен. А женские монастыри часто предлагали свои толстые и холодные стены, украшенные фресками со сценами жизни Девы Марии, кисти художника, имя которого уже никто и не вспомнит, чтобы помочь очередной дочери важного человека в городе соблюсти ее честь до свадьбы. Также не будем забывать уютные своды внутренних двориков при церквях, которые на рассвете уже заливаются лучами солнца под трель птичек. В таких двориках обычно выращивали медицинские травы, поэтому многие монастыри занимались медициной и открывали свои аптеки.

Полезность такого близкого соседства была всем очевидна. Именно в XIII веке до Флоренции доберутся такие крупные монашеские ордены, как францисканцы и доминиканцы. Несмотря на то что все монахи при постриге обязательно дают обет нищеты, сами церковные структуры активно собирали подаяния для новых построек. Но как же церковь реагировала на банки Флоренции? По-разному. Некоторые финансовые сделки были раскритикованы абсолютно всеми монашескими орденами, но некоторые допускались, к примеру, францисканцами, но критиковались доминиканцами. Иногда это происходило из-за банального соперничества между самими орденами, которые боролись за привилегии от Папы Римского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.